

В. И. Пефтиев**П. В. Анненков как социальный аналитик в Парижской трилогии (40-е гг. XIX в.)**

Советский энциклопедический словарь (1989) представил Павла Васильевича Анненкова (1813–1882) как литературного критика, публикатора материалов для биографии А. С. Пушкина и научного издателя его сочинений. Полагаем, что полузабыт и недооценен вклад П. В. Анненкова в становлении социогуманитарных наук в России XIX в. Блестящий талант Анненкова как социального аналитика проявился в «Парижских письмах» (трилогии), отправленных из столицы Франции в редакции научно-политических журналов в 1842, 1846–1848 гг. Тематика этих писем частично воспроизведена в «Литературных воспоминаниях» (фрагмент «Замечательное десятилетие»). Наша задача состоит в презентации метких и глубоких наблюдений русского в Париже до, во время и после февраля 1848 г., которые свидетельствуют о зарождении в России социологии через сближение философского позитивизма О. Конта и разноликой социальной публицистики Луи Блана, Пьера Прудона, Мишеля Шевалье и др. Одна из линий водораздела (разграничения) проходила между сторонниками и противниками, с одной стороны, организации труда (регулируемого статус национальных мастерских) и свободы труда (то есть беспрепятственного развития конкуренции и невмешательства государства в дела хозяев, работодателей) – с другой. Автор видит смысл статьи во вдумчивом чтении и неспешной интерпретации свидетельств неумирающей памяти о революции 1848 г. в Париже, Франции, имевшей продолжение и в «коротком» XX в. (Э. Хобсбаум). Наследие П. В. Анненкова расширяет наши знания о зарождении социологии – одного из ранних источников культурологии.

Ключевые слова: П. В. Анненков, Парижская трилогия, революция 1848 г., социалисты-романтики, либеральные экономисты, зарождение социологии в России.

V. I. Peftiev**P. V. Annenkov as a Social Analyst in the Parisian Trilogy**

The Soviet encyclopedic dictionary (1989) presented Pavel Vasilievich Annenkov (1813–1882) as a literary critic, publisher of materials for A. S. Pushkin's biography and scientific publisher of his compositions. We believe that P. V. Annenkov's contribution in formation of socio-humanistic sciences in Russia is half-forgotten and underestimated in the XIX century. The brilliant talent of Annenkov as a social analyst was presented in «Parisian Letters» (trilogy) sent from the capital of France to editorial offices of political-scientific magazines in 1842, 1846–1848. The subject of these letters is partially reproduced in «literary memoirs» (a fragment «A Remarkable Decade»). Our task is to present well-aimed and deep observations of the Russian man in Paris before, in time and after February, 1848 which testify to the emergence of sociology in Russia by means of rapprochement of O. Kont's philosophical positivism and different social journalism of Louis Blan, Pierre Proudon, Michel Chevalier, etc. One of lines of the watershed (differentiation) was between supporters and opponents, on the one hand, work management (the regulated status of national workshops) and freedom of work (that is free development of the competition and non-interference of the state to affairs of owners, employers) – on the other hand. The author sees the sense of the article in thoughtful reading and slow interpretation of testimonies of the never-dying memory about the Revolution of 1848 in Paris, France which had its continuation in the «short» XX century (E. Hobsbaum). P. V. Annenkov's heritage expands our knowledge of sources of sociology, one of early sources of culturology.

Keywords: P. V. Annenkov, the Parisian trilogy, the Revolution of 1848, socialist romantics, liberal economists, emergence of sociology in Russia.

Если наши библиофилы помогут нам когда-нибудь напечатать, за наше столетие, сборник записок и писем наших известных и неизвестных деятелей... и ярко восстановили бы историю нашего развития.

Н. П. Огарев (1861)

Советский энциклопедический словарь на закате Перестройки (1989) представил Павла Васильевича Анненкова (1813–1887) как литературного критика, публикатора материалов для биографии А. С. Пушкина и научного издателя его сочи-

нений [6]. Полагаем, что полузабыт и недооценен вклад П. В. Анненкова в становление социогуманитарных наук в России XIX в. Его даже не упоминает «Новый энциклопедический словарь» (М.: РИПОЛ классик, 2012. – 1568 с.). Изредка его цитировали в Советском Союзе марксоведы по поводу кратких встреч и лаконичной переписки К. Маркса с русским эмигрантом. Между тем блестящий талант беллетриста-путешественника и одновременно социального аналитика П. В. Анненков проявил задолго до шедевров в

Пушкиниане – в «Парижских письмах» (трилогии), написанных в 40-е гг. и печатавшихся незамедлительно, так сказать, «с колес», в популярных литературно-политических журналах того времени. Нам хотелось бы по извлечениям из парижской трилогии (плюс подтверждения последующих поколений исследователей революции 1848 г.) показать роль нашего соотечественника в зарождении общей социологии, еще по-детски наивной, но уже амбициозной, с широким охватом тем, идей и наблюдений, личностей (социалистов-романтиков и либеральных экономистов). Мгновенные зарисовки общественной жизни в Париже (до, во время и после Февраля 1848 г.) – меткие и глубокие, без пристрастия и озлобленности, то есть взгляд со стороны, с максимумом достоверности. Эти личностные грани манеры наблюдать, описывать и размышлять об увиденном позволяют считать П. В. Анненкова социологом по призванию, с высочайшим эмпирическим даром¹. К нему неприменимы поздние профессиональные стандарты.

Письма как литературный жанр по определению хронологичны и повествовательны; они противятся систематизации по заранее отобранным критериям. В исследовательской статье (в отличие от комментариев текстологов в академических изданиях. – В. П.) приходится опускать многие детали и подробности, важные для понимания атмосферы эпохи, личных привязанностей. Читатель со стороны (не адресат) с временной дистанцией в десятилетия и поколения отбирает то, что ему интересно и близко, и видит нечто другое, возможно, не входившее в намерения (интенции) отправителя. Письма П. В. Анненкова из Парижа предназначались для анонимного читателя, но запросы редакции и подписчиков журналов ему были более или менее знакомы. С учетом этих предупреждений о различии видения ситуации *тогда* и *сегодня* приступаем к отбору наиболее значимых для социологии и культурологии примет социальной жизни Парижа в турбулентные 40-е гг. XIX в. (ссылки на издание 1983 г. указаны в тексте статьи).

Чтение газет (прессы) стало привычкой и вошло в быт типичного парижанина. В письме от 29 ноября 1841 г. П. В. Анненков констатирует: «Едва только продерет глаза парижанин, как бежит в один из бесчисленных здешних кафе читать журнал. Каждый божий день выкидывается типографиями оглушительный вопль разнородных мнений, где взаимно подстерегается каждый шаг противника, каждое обвинение встречает оправдание,

каждая мысль наталкивается на другую, диаметрально ей противоположную, и эта постоянная, не умолкающая ни на минуту борьба только *укрепляет* журналистику, сдерживает все возможные партии в каком-то волшебном кругу, из которого ни одна выйти не может... Нет сомнения, говорю, что если на этой арене когда-нибудь будет действительно победитель, то Франция погибнет или в *революционном* вихре, или в другом каком-либо исключительном направлении» (с. 43). (подчеркнуто нами. – В. П.). Пропускаем едкую реплику о взаимной вражде газет и «дружбе» против намечающегося победителя, но акцентируем внимание на прозорливость прогноза П. В. Анненкова о революционном вихре.

Дополним сказанное информацией от историков. Э. Хобсбаум указывает тираж газеты «Journal des Débats» в 1835 г. – около 10 тысяч экземпляров. Газета продавалась дешево за счет рекламы, сплетен и занимательных рассказов [7]. В этой газете десятилетие спустя публиковал свои полемические статьи против Л. Блана и П. Прудона либеральный экономист М. Шевелье (Chevalier). Подводя итоги веку капитала (1848–1875), тот же Э. Хобсбаум видит главное новшество революции 1848 г. в уроке: газеты нужны для оказания влияния на общественное мнение [8].

Смена места проживания и регулярное общение с иностранцами преобразовали до неузнаваемости русского человека за рубежом в эпоху Николая I. Иная одежда, манера поведения и речь. При первой же встрече с А. И. Герценом в Париже (осень 1847 г.) П. В. Анненков улавливает разительные перемены как во внешней оболочке, так и образе жизни соотечественника: вместо русского барина-увальня перед ним предстал щеголеватый джентльмен [2]. И здесь П. В. Анненков опередил свое время, наметив контуры будущих программ изучения чужой культурной среды и ее влияние на идентичность человека на развилках отечественной и мировой истории. В этой проекции «Парижская трилогия» П. В. Анненкова могла быть сюжетом для увлекательных открытий по части сравнения национальных психологий (менталитетов), взаимодействия «своего» и «чужого».

В Париже день П. В. Анненкова распisan по минутам. Он читает груды книг, журналов, газет, чтобы быть в курсе современных событий. Его интриговали социальные движения (партии, учения, идеи, политика). Он сравнивал себя [и многих русских] с путником, вышедшим из голой степи и припавшим со страстью и увлечением к

давно ожидаемому источнику. Он признавался: «Три воскресенья я слышал самого Конта» (основателя социологии. – В. П.) [3].

С 1830 г. общественные движения во Франции будоражат «социальный вопрос», то есть как погасить спорадические, но кровавые баррикадные стычки с полицией и армией. Не прекращается брожение среди рабочих, ремесленников, торговцев. Люди труда протестуют против произвола королевской власти. Они возмущены расслоением общества на богатых и бедных. Социальный вопрос практически без пауз обсуждают в газетах и брошюрах, на публичных слушаниях и в ученых трактатах. Каждый активный политик, журналист, ученый выдвигает свой проект реформирования французского общества и восстановления социальной справедливости. В перманентных дискуссиях с разной степенью влияния на те или иные слои парижан (а через них и на провинцию) участвуют а) коммунисты-утописты; б) социалисты-романтики и в) либеральные экономисты школы Ж.-Б. Сея [5]. Одна из линий водораздела (разграничения) проходит между сторонниками и противниками *организации труда и свободы труда*. Первый вариант общественного обустройства Франции через учреждение национальных мастерских по профессиям энергично продвигает Л. Блан². В Люксембургской комиссии он и его единомышленник, рабочий Альбер, намерены противодействовать разрушительным последствиям конкуренции и добиться регламентации распределения благ и доходов хозяев и работников. Полярную стратегию аргументируют старейшина сообщества экономистов Ш. Дюнуайе³ и бойкий журналист М. Шевалье⁴. Они уповают на благотворительный эффект конкуренции и невмешательства государства в оперативные решения работодателей. Особняком стоит фигура П.-Ж. Прудона (1809–1865) – гениального самородка из народа и креативного путаника [4].

В «Парижской трилогии» П. В. Анненкова россыпь уникальной информации по большим и малым сюжетам и всем сколько-нибудь значимым персонажам поколения 1848 г. (*quarentehuitards*). Репортажи П. В. Анненкова ценны не только по исторической фактуре и стилю изложения (визуальны, динамичны, диалогичны), но и как свидетельство эволюции идей и действий в турбулентное время. Для культурологии актуален и такой ракурс, как восприятие общественным мнением интеллектуальной элиты своей страны в критические дни революции. В этом статусе

парижские наблюдения П. В. Анненкова незаменимы и неисчерпаемы.

П. В. Анненков о Луи Блане. Прозорливая оценка исторического места Л. Блана и его соратников-оппонентов: «Кто не видит, что в идеях как Блана, Консидерана, так и Прудона есть вещи [идеи], которые составляют *ступень* для *будущих* преобразований европейских государств на совершенно *новых началах*, но что, при нынешней разработке народами своих *убеждений*, ни одна из этих систем не может быть принята...» (выделено нами. – В. П.) (с. 374). Отмечены колебания и даже отстраненность Л. Блана в Люксембургской комиссии. «Любопытно следить за Луи Бланом [гнушим всю Францию], намеревающим согнуть промышленность» (с. 312). «Ассоциация у Блана принудительная и притом еще совершенно равная во всех своих последствиях для всех ее членов, несмотря на разницу их работы, их капитала и даже их доброй воли» (с. 312). Заседание комиссии от 20 марта вызвало смятение в ученом и промышленном мире (с. 321). А 3 апреля Л. Блан [юный преобразователь] вдруг отказался от теории равной оплаты (с. 323). В апреле Луи Блан молчал в своей комиссии. Только в конце его еще раз красноречиво пожаловался на гонения, им претерпеваемые (с. 370). Далее последовали расстрелы картечью баррикад и эмиграция в Великобританию (до 1871 г.).

П. В. Анненков о Прудоне: «Смелый до нелепости и верный самому себе до бесчувственности» (с. 372). Прудон энергичной манерой изложения пугал весьма многих. Берет предмет с конца, с цели, которую следует достичь, предварительно ужасая читателя, например, выводом: собственность – это кража (с. 373). По мастерству изложения Прудон имеет соперника только в Марате (старом) (с. 373). Прудон, как и Луи Блан (и другие апостолы разветвленного французского утопического социализма), оказались «ниже обстоятельств» и не выдержали испытания жизнью (с. 374). И тем не менее, десятилетия спустя, в «Литературных воспоминаниях» (раздел «Замечательное десятилетие») П. В. Анненков не забывает о благотворном влиянии Прудона на умы и чувства французов и эмигрантов: «Признаюсь, я не поверил тогда, как и многие со мной, разоблачительному письму Маркса (адресату. – В. П.), будучи увлечен, вместе с большинством публики, пафосом и диалектическими качествами прудоновского творения» («Рапсодия нищего». – В. П.) (с. 282–283).

П. В. Анненков о либеральных экономистах.

Комментарий П. В. Анненкова о заседании Общества свободного обмена в зале Монтеке 8 ноября 1846 г., где «величались» знаменитости политической экономии (Дюнуайе, Бланки, Шевалье, Бастиа, Леон Фоше, Горас Сей), а внизу до трехсот человек избранной публики собралось посмотреть на них: «Вообще эта борьба чистой теории с живыми интересами... весьма походит на забаву ученых» (с. 91). Выпады Мишеля Шевалье в «Journal des Débats» против Люксембургской комиссии отчасти мотивированы «личным отомщением» (с. 369–370).

Нельзя не упомянуть зоркие наблюдения П. В. Анненкова об июньской трагедии в Париже: «Пар переворота родился преимущественно на улице, там вырос, там и кончился» (с. 164). Поначалу мирные демонстрации против запрета на устройство банкета в 12-м квартале. Затем случайный выстрел вызвал батальонный залп (с. 179). История обернулась кровопролитием и террором уже после разгрома баррикад, то есть свирепой ненавистью богатых к бедным. На мостовых Парижа цивилизация потерпела унижительное поражение от классового варварства, а затем уже в 70-е гг. XX в. оформилась в постулат синергетики: малое событие может вызвать большие непредсказуемые последствия. П. В. Анненков различает короткую и долгую истории революции 1848 г.: «Переворот 1848 года был весь налицо, весь на площади. Он произведен единственно улицей»; попытка навязать ему определенный политический оттенок пришла гораздо позднее; те, кто приводит массы в движение и управляет ими, скрывается от глаз в кабинетах главных и, по большей части, невидимых деятелей (с. 164). Поразительно ясновидение П. В. Анненкова: его размышления о социологии революций и гражданских войн трудно оспорить и в XXI в.

Автор видит тройкий смысл во вдумчивом чтении и неспешной интерпретации наследия П. В. Анненкова и его «Парижских писем»:

– Ознакомление с неумиряющей памятью о революции 1848 г. в Париже, Франции, Европе⁵, имевшей продолжение и в «коротком» XX в. (Э. Хобсбаум).

– Присутствие при тяжелых родах *социологии* путем сближения философского позитивизма О. Конта и разноречивой социальной публицистики в качестве одного из источников культурологии⁶. В XX в. к социологии присоединились новейшие философские доктрины (феноменология, экзистенциализм, герменевтика) и инстру-

менты «лингвистического поворота» (дискурс, слова и мысли, текст и его сопряженные значения).

– Свидетельство возникновения из «путаных» идей и проектов 40-х гг. XIX в. трех мощных общественно-политических движений: а) марксизма; б) социал-реформизма и в) анархизма. Эпоха глобального капитала не потеряла связи времен с «длинным» XIX в. (1789–1914); она внедряет продукты технологических революций (тогда – железные дороги, пароходы, телеграф; сегодня – другие новинки), умеет преодолевать кризисы внутреннего происхождения (в XIX в. – депрессия 1857 г.) и склонна к компромиссам с оппозицией и профсоюзами.

Библиографический список

1. Анненков, П. В. Парижские письма [Текст] / П. В. Анненков. – М. : Наука, 1983. – 608 с.
2. Анненков, П. В. Литературные воспоминания [Текст] / П. В. Анненков ; вст. ст. В. И. Кулешова. – М. : Правда, 1989. – С. 273–688.
3. Анненков, П. В. Литературные воспоминания [Текст] / П. В. Анненков ; вст. ст. В. И. Кулешова. – М. : Правда, 1989. – С. 275.
4. Певтиев, В. И. Забытые экономисты XIX века [Текст] : очерки / В. И. Певтиев. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2008. – С. 60–67. – 160 с.
5. Ревякин, А. В. Социализм и либерализм во Франции в середине XIX века [Текст] / А. В. Ревякин. – М. : Наука, 1999. – С. 243–277. – 284 с.
6. Советский энциклопедический словарь / изд. четвертое, испр. и доп. – М. : Сов. энциклопедия. – С. 59. – 1632 с.
7. Хобсбаум, Э. Век революции. Европа 1789–1848 [Текст] / Э. Хобсбаум ; пер. с англ. – Ростов н/Д.: Феникс, 1999. – С. 256.
8. Хобсбаум, Э. Век капитала. 1848–1875 [Текст] / Э. Хобсбаум ; пер. с англ. – Ростов н/Д.: Феникс, 1999. – С. 38–484.
9. Blanc, Louis L'Etat et la commune. Londres. – 1865. – P. 7–27.
10. Dunoyer, Charles. De la liberté du travail. Bruxelles, 1846. – 678 p.
11. Chevalier Michel. Lettres sur l'organisation du travail. Bruxelles, 1848. – 354 p.

Bibliografičeskij spisok

1. Annenkov, P. V. Parizhskie pis'ma [Tekst] / P. V. Annenkov. – M. : Nauka, 1983. – 608 s.
2. Annenkov, P. V. Literaturnye vospominanija [Tekst] / P. V. Annenkov ; vst. st. V. I. Kuleshova. – M. : Pravda, 1989. – S. 273–688.
3. Annenkov, P. V. Literaturnye vospominanija [Tekst] / P. V. Annenkov ; vst. st. V. I. Kuleshova. – M. : Pravda, 1989. – S. 275.

4. Peftiev, V. I. Zabytye jekonomisty XIX veka [Tekst] : ocherki / V. I. Peftiev. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2008. – S. 60–67. – 160 s.

5. Revjakin, A. V. Socializm i liberalizm vo Francii v seredine XIX veka [Tekst] / A. V. Revjakin. – M. : Nauka, 1999. – S. 243–277. – 284 s.

6. Sovetskij jenciklopedicheski slovar' / izd. chetvertoe, ispr. i dop. – M. : Sov. jenciklopedija. – S. 59. – 1632 s.

7. Hobsbaum, Je. Vek revoljucii. Evropa 1789–1848 [Tekst] / Je. Hobsbaum ; per. s angl. – Rostov n/D.: Feniks, 1999. – S. 256.

8. Hobsbaum, Je. Vek kapitala. 1848–1875 [Tekst] / Je. Hobsbaum ; per. s angl. – Rostov n/D.: Feniks, 1999. – S. 38–484.

9. Blanc, Louis L'Etat et la commune. Londres. – 1865. – P. 7–27.

10. Dunoyer, Charles. De la liberté du travail. Bruxelles, 1846. – 678 p.

11. Chevalier Michel. Lettres sur l'organisation du travail. Bruxelles, 1848. – 354 p.

¹ Основоположник социологии Огюст Конт (1798–1857) излагал свои взгляды в публичных лекциях (1842), популярной брошюре (1844) и в книгах (6 томов, 1851–1854 гг.). Он настаивал на исторической филиации, то есть обнаружении родственных связей между социальными явлениями. Его познавательное кредо – ясность во всем (ссылка на афоризм Мольера), наблюдения и размышления. См.: Положительная философия Огюста Конта в изложении д-ра Робинс / пер. с фр. Е. Д. Предтеченского. – СПб. : Тип. А. А. Пороховщикова, 1898. – С. 11, 81–82.

² Луи Блан (Blanc, 1811–1882) – член Временного правительства, глава Люксембургской комиссии (1848), автор проекта национальных мастерских для трудоустройства бедняков и безработных. В 1848 г. вышло 5-е издание его основного политико-экономического сочинения «Организация труда» (первое издание вышло в 1840 г.). Луи Блан безуспешно обращался к богатым: «Вопрос о бедных – ваше дело. В сочинении «Государство и коммуна» он обсуждал вопросы рационального разделения полномочий центральной власти и местного самоуправления с учетом опыта Великобритании [9]. В. Г. Белинский восторженно отзывался о книге Луи Блана при встрече с Анненковым в Петербурге (1843): «Что за книга Луи Блана! – говорил он. – Ведь этот человек нам ровесник, а между тем что такое я перед ним, например? Просто стыдно думать о всех своих кропаньях перед таким произведением... Видно, жизнь государства и общества

дают содержание мысли и таланту больше, чем литература» [2, с. 187]. Простим великому критику самоунижение перед талантом француза. Сочинения Луи Блана неоднократно переводились на русский язык. В 1906 г. Евгений Колбасин предварил труд Л. Блана «История революции 1848 года» критическим очерком (почти брошюра на 136 стр.), в котором, невзирая на «гуманность» социализма той эпохи, высоко оценивает заслуги великого француза – апостола идеала, философа с даром трибуна, честного человека-борца, историка, раскапывающего прошлое, чтобы посеять семена будущего. См.: Луи Блан. История революции 1848 года / пер. С. Ч. – СПб. : Тип. «Общественная польза», 1907. – С. СХХХVI/680.

³ Шарль Дюнуайе (1786–1862) в объемистом труде сознательно дистанцируется от текущей полемики. Очевидная эрудиция автора не спасает его от печальной судьбы подобных научных изданий – пылиться на полках библиотек в ожидании редкого читателя [5, с. 253]. И мое текущее прочтение этого раритета в фундаментальной библиотеке ЯГПУ не дало повода что-либо значимое процитировать, кроме последней фразы о передаче уходящим поколениям, следующим за ним, плодов долгого и упорного трудолюбия: «il ne reste plus rien faire á la génération mourante qui a distribué á celle qui la suit de fruit de ses longues et laborieuses accumulations» [10, с. 678].

⁴ Мишель Шевалье недоступен для советских и постсоветских энциклопедий. Между тем в 40-е гг. его воспринимали как одного из когорты блестящих публицистов Франции. Он не поленился и издал свои письма в Journal des Débats [18] отдельным томом [11]. Изюминка книги – подробный план к тезисам каждого письма. Здравым смыслом отличается его последняя фраза об износе великих слов (свобода, равенство, братство): «Plus les systèmes usent du mot, moins ils admettent la chose» [11, с. 340].

⁵ Рукопись П. В. Анненкова о французской революции 1848 г. обнаружена в Советском Союзе в начале 20-х гг. и впервые опубликована под ред. И. Н. Конобеевской в серии «Литературные памятники». См.: Анненков, П. В. Парижские письма. – М. : Наука, 1983. – С. 231–438, 608.

⁶ В России и в начале XX в. сложилась традиция однозначно негативного восприятия социологии. Выдающийся русский социолог М. Ковалевский при возвращении на Родину был остановлен на границе жандармом: «Нет ли у Вас книг по социологии? Вы понимаете... В России это невозможно». Цит. по: Добреньков, В. И., Кравченко, А. И. Социологический активизм: критика и диссидентство // Вестник Моск. ун-та. Серия Социология и политология. – 2014. – № 4. – С. 7–8, 5–18.